

АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА

НАВЬИ СКАЗКИ

ЧАСТЬ I ВЕСНЯНКА

0+

Анастасия Яковлева-Помогаева
Навыи сказки. Часть 1. Веснянка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Яковлева-Помогаева А.

Навыи сказки. Часть 1. Веснянка / А. Яковлева-Помогаева —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Когда твоя девушка "больна" и может натворить бед. О ужас, магических бед. Офисному работнику, Алексу, очень непросто теперь будет вычеркнуть из своей жизни прошлую любовь, Диану. Ведь в их отношения неожиданно вмешивается третья участница. И она - не человек.

Анастасия Яковлева-Помогаева

Навыи сказки. Часть 1. Веснянка

Глава 1

Время камни собирать и забирать вещи. Сколько бы он ни оттягивал этот неприятный момент, но в квартиру к Диане придётся заглянуть.

Диана не торопилась открывать дверь на его звонок. Догадывалась, что это он. Догадывалась, зачем пришел. А ему хотелось просто и без скандалов уладить всё. Уже целый месяц пытался дать ей понять, что время настало. Грубо, конечно, получилось – он просто самоустранился из ее жизни, на звонки отвечал уклончиво и лениво. Но Диана звонила снова и снова, как будто тот скромный джентльменский набор вещей у нее дома обязывал его как минимум к гражданскому браку.

Когда дверь все-таки открылась, Алекс обратил внимание, что Дианка выглядела осунувшейся, даже испуганной какой-то. Значит, нужно поторопиться. Побыстрее избавиться от постыдной обязанности излишних извинений. Только как? Она дамочка упрямая. Может просто так и не отпустить. Жалость жалостью, но невозможно ведь основывать свои отношения только на ней. И она должна это понимать, но не понимала. Диана вообще отказывалась понимать позицию другого человека. Умела только за других решать. И за Алекса в том числе. Не давая права выбора. Это тоже послужило причиной...

Зашел. Она позвала на кухню чай пить, но разговор не клеился. Просидев минут пятнадцать для приличия, Алекс направился вначале в ванную комнату забрать бритвенные принадлежности и туалетную воду. Затем в комнату. Там – диски. Что еще? Особо и не нужную игрушку-талисман – домовенка с покачивающейся головой. Благо книжная полка находится на кухне. Хотелось Дианку спровоцировать, если честно. Да. Но она так на кухне и просидела. Только когда стал входную дверь открывать, выскочила следом. И волной упреки. Даже страшно, ему, мужику, стало от такой кошачьей ярости. Буря. Схватит и утащит обратно. На дно. Затянувшиеся отношения – дно и есть.

– Хватит уже! Неужели неясно?

Вцепилась. Ей страшно. Вдруг. Взрослой женщине страшно оставаться одной в квартире! Шорохи. Ага. В дверь входную кто-то звонил, а на лестничной клетке пусто. Выдумщица! Лишь бы его не опустить!

– Милая, а ты по бабкам-колдуньям больше ходи. Еще и не то померещится. Привороты всякие продолжай на меня делать. Думаешь, я не в курсе? Мне все сороки на хвостах приносят. Но не поможет тебе это. Вот, смотри, я сделаю шаг через порог, а ты меня отпустишь.

Не успел и движения сделать – успокоилась. Подозрительно быстро.

– Ну и ладно. Не собираюсь я тебя насильно удерживать. Обойдешься. Но мне действительно страшно. Верить или нет – твое дело. Справлюсь без тебя. Как и до тебя справлялась. К бабкам больше не пойду. И так хватило впечатлений. Оно того не стоит. Вот только у меня к тебе одна просьба. Ты сейчас на улицу будешь идти, вынеси один маленький пакетик. Бабка одна дала. Но, как вижу, не пригодится.

– Угу. Наверно, что-то весьма токсичное. Судя по запаху. Воняет, какдохлаярыбина. Ох, Дианка. Ты бы еще дольше этим дерьмом подышала, не только бы шорохи стали мерещиться, но и загробная жизнь. Аккуратней с этим надо быть.

Взял целлофановый пакетик. Внутри какая-то жижа болотная, в тряпочку замотанная. Рассказать кому – приколот.

Уже садясь в лифт, услышал, как Диана ему что-то шепчет вслед. Не...бабкина тема ее, похоже, не отпустила. Неймется.

– Крибле-крабле-бумс! – уже из дверей лифта со смехом ей выкрикнул.

Пакетик бросил в дворовый мусорник. Аминь кошечкам. Хотя они не дуры такое жрать. Рука еще долго рыбой пахнуть будет.

Доехал домой. Присел на скамейку возле парадной, чтобы отогнать от себя докучливый запах.

В парке возле дома стрижи рассекали воздушные кубометры. Темнело постепенно. Солнечные полосы опустились до горизонта. Покраснели. В жиденьких облаках скрылись. Воздух в бассейне двора остыл. Разбрелись мамки-няньки с детишками по домам. Птицы постепенно тоже угомонились. Какой-то звуковой вакуум образовался. Ну, точно, как будто не на воздухе ты находишься, а в воде. И вода эта не шелохнется.

Пора бы и домой. Но тут, уже в сумерках, Алекс услышал, как голос женский, негромкий, приятный такой, напевает коротенький музыкальный мотив. Всего пару нот. Опять и опять. Обрывается. Одна и та же мелодия. При этом рядом никого нет. Весенние сумерки сильны не настолько, чтобы за стройными рядами парковых деревьев не заметить певицу. Непонятно, откуда слышится голос: спела и бросила, спела и бросила. Отрешенно как-то. Так поют, когда рукоделием занимаются, когда скучно или когда младенца баюкают. Но только никак не закончится эта монотонная колыбельная.

Вдруг голос зазвучал рядом с Алексом. Справа. Там, где детская площадка. Вот качели, вот погнутая труба, бывшая когда-то рукоходом. Все четко просматривается. Но нет же никого... А мотивчик звучит. Слева теперь.

Алекс вначале замер, пытаясь понять: это что? Затем задом-задом, боясь не увидеть источника опасности (а еще больше боясь увидеть его) попятился к железной двери парадной. Если не сработает ключ от домофона – он пропал. Но, спасибо, даже заминки не произошло, и он очутился на лестнице. Не дождавшись лифта, забежал к себе на пятый. Сразу же – к окну.

Вода сумерек уже не казалась такой прозрачной. Ночь поднялась, будто ил со дна. Но в квартире Алекса горит свет. Есть газовая плита и чайник. Еще и недавно початая пачка тонких сигарет. Открыть форточку, чтобы не дымить в квартире.

Ну, мало ли что показаться могло. Может, кто-то из соседей пению учится. Зато адреналинчик выделился будь здоров. На эту тему можно будет для пацанов историю прикольную придумать. Мистическую. Мол, наложила на меня злая ведьма проклятье. Призраки поющие преследуют.

На улице уже совсем темно. Дождь накрапывать начал. Не пойми откуда. Тяжелый такой. По-осеннему. Весной-то! Фонарь напротив окон. Скамейка, на которой Алекс возле дома сидел, хорошо видна. Рядом со скамейкой коробка какая-то. Почему не заметил ее, когда был внизу? Нет, не коробка. Кто-то на корточках сидит, о скамейку локтем опершись. Алекс ждет – пошевелится это или нет. Даже дома, при включенном свете, как-то неуютно стало... Отойти бы вглубь комнаты, но взгляд от коробочки не оторвать. Не шевелится. Минут пять без движения. Человек так бы не высидел. Опять нафантазировал себе черт-те что!

Вдруг издалека свет фар. Во двор въезжает машина. То, что казалось Алексу коробкой, внезапно срывается с места и кидается на дорогу. На свет. Под колеса. Нет, не перебегает ее, а ныряет прямо в асфальт, как в болотный омут. Водитель слегка притормаживает, но из машины не выходит. Проехал дальше. Тоже, наверно, решил: показалось.

Глава 2

Алекс – звонкое имя без излишних изысков. Легкое, как весенняя капель на солнце. Добротное, как дорогой аксессуар. Для Алекса собственное имя таким аксессуаром и было. И окружающий мир его из таких аксессуаров состоял: правильных, предсказуемых вещей здоро-

вого молодого человека. Он умел продавать свое время, он умел подавать себя правильно, не перегружая окружающих ворохом ненужных личных проблем.

Для работы он оставлял себе дни с понедельника по пятницу, для друзей – субботний вечер. Воскресенье – чтобы перед понедельником выспаться. Когда что-либо выпадало из плоскости личных интересов, Алекс становился наивным, как бабочка-однодневка. Он попросту не понимал, что и другому человеку можно оказать небольшую услугу или сделать небольшое одолжение вне профессиональных обязанностей. Друзья для него были тоже определенным аксессуаром. Сегодня ему предстояло: а – сидеть с ними за обычным субботним пивом в кафе, б – развлекать легким триндежом.

А сплетня обещала получиться шикарней.

Когда-то здесь, где теперь расположилось кафе, находился дом одного из основателей города. На фасаде фигуристые античные дамы. Увешаны декоративным плющом, призваны воссоздавать атмосферу итальянского дворика. Наверно, по этой же причине стены дома возле каменных дам хозяева кафешки оставили неотреставрированными. По-видимому, отбитая пятнистая штукатурка должна символизировать упадок Древнего Рима на месте сборов благородных одесских патрициев. На окнах мерцающие гирлянды. Какое-то круглогодичное Рождество.

Публика разношерстная, но тихая. Столики отделены гипсокартонными перегородками, отделанными под дерево. Уют.

На сегодняшний мальчишник Алексу удалось вытащить только троих: Крыса, Пашеньку и Юрка. Все из его офиса.

– На работе на наши морды не посмотрелся? Перекуров не хватает? Алекс наш не успел от одного бережка отчалить, уже другие молочные реки себе ищет? А мы ему для компании нужны. Чтобы легче девок кадрить и выбор был побогаче. – Крыска очаровательно ехиден. С ним всегда нужно держать ухо востро. Поэтому Алекс и держит Крыску так близко к себе. Как родного.

Пашенька, соглашаясь, просипел что-то в ответ, обстоятельно угроможда пухлое тельце между стулом и столом, как огромная улитка, пытающаяся спрятаться в раковине. Авось никто не обратит внимания на его несуразность. Девушки – ага! Такому, как Пашенька, светит подцепить кого-либо только в большой компании. С бокалом пива. С ним Пашенька смотрелся, да, органично. Он будет, как всегда, только слушать. Пусть другие оттачивают свое искусство трепы. Жизнь все равно подобна пузырькам в любимом напитке: «буль-буль-буль» – течет ровно. Глядя в бокал, можно надолго зависнуть. Пашенькина нирвана...

Юрок же опоздал как всегда. Неудивительно для человека, который силится оказаться сразу в нескольких местах. Да и еще желательно в гуще увлекательных событий. Не очень таким вольным художникам подходит профессия менеджеров по продажам. Начальство не любит непредсказуемых. Но Юрок умел шикарно улыбаться, отменно выкручиваться и заболтать любого. Поэтому его прощали. Хотя сколько эта обезьяна с гранатой сможет продержаться без приключений, никто спрогнозировать не мог. В отделе даже слухи ходили о подпольном тотализаторе «на Юрика» и что сам Юрок эти шоу специально устраивал, чтобы поиметь с них нехилый процент.

– Ну, чего? Колись. Решился? Когда вновь по цыпам пойдем? Может, сегодня?

Выслушали историю про фигуру.

– Это же как нужно мужику мозги вынести, чтобы черти, ныряющие в асфальт, мерещиться начали. Ты это, братан, держись.

– Вовремя отчалил. Вот не люблю грузящих женщин.

– Пока молоды, нужно держаться подальше...

– Угу, «предохраняться».

– Крыс, ну, не начинай.

– Да я вообще никого не провоцирую. У меня искренне так накипело. У одного, что ли, меня?

– Да, да. Правда жизни. Суровый реализм отношений.

– Ладно, ладно. Я ни на что не намекаю. Сидите, мальчики, спокойно. Я вот только слышал, что Дианка твоя по бабкам уже второй месяц бегает.

– Спасибо, Кэп, вот только что от тебя и узнал.

– И что кровь свою, хм, грязную, тебе в кофе постоянно мешала?

Алекс аж пивом подавился. Приятный Крыса человек, ничего не скажешь. Умеет настроение подпортить.

– Слушай, а давай это все уже забудем, а?

За соседним столиком тем временем примостилась «куколка». Не то чтобы в ней было много силикона или ее попка была чрезмерно прокачана, но девица была явно из быстро идущих на контакт. Юрок быстро сумел ее разговорить, и присутствие еще троих джентльменов «куколку» не слишком смутило. Оказалось, что у нее имеются незамужние подруги, которые тоже не прочь время скоротать. Телефонный звонок, и вперед – на такси на Таирова: Юрок, всем своим поведением дающий понять, что место возле этой девушки забито, Крыс и Алекс, полные надежд, сама Оксана (как «куколка» назвалась)... Пашенька же, засмутившись, отбыл домой.

Все по этикету. Прибыли с пакетами. Обстановка буржуазная. Девушки приличные. Предложили подождать в соседней комнате, пока стол накроют.

Включили джаз. Приглушили свет. Уже звон расставляемых тарелок из гостиной слышался. Хрустела открываемая коробочка с тортом.

Юрку не терпелось. Он был как пружина.

– Да не мельтеши ты! – шепнул Алекс, но тот резко встал с кровати, а затем, в следующую секунду, совсем уж не по-джентельменски выругался.

В угол полетел какой-то белёсый патлатый комок. Не успели Алекс и Крыс понять, что же это было, как под звуки трубы Луи Армстронга в комнату вошла хозяйка с бокалами вина на подносе... Комок отделился от угла и с громким лаем впился ей в ногу. Раздался звон, хруст, визг. Шепот Юрка:

– А оно само из-под кровати выскочило, я от неожиданности и пнул.

Шепот Крыса:

– Не бойсь, не выдадим.

Всеобщие причитания:

– Ну как же так, такой милый песик всегда был.

Хозяйка лишь удивленно топорщила пальчики:

– Мне говорили, что эта порода не злая. Даже гипоаллергенная. Она не будет кусаться и пачкаться. И что вообще Маса – почти что человек.

И тут надо было Крысу неудачно пошутить:

– Может, у гипоаллергенной собачки бешенство?

– Ой, да что вы!

Неукушенные подруги пытались задобрить Масика. Масик казал клыки.

– Помогите!

– Наверно, придется вызывать ветеринара на дом, чтобы усыпить, – не унимался Крыс с серьезнейшим выражением лица. – Бешеных псов усыпляют.

Бешеный пес размером с крысу и впрямь был похож на микро-йети. Очень дикого микро-йети. Девушки повздыхали и стали обзванивать дежурные пункты скорой ветеринарной помощи:

– Ой, а жалко-то ведь как. Она мне кучу денег стоила. Меня не предупредили о бешенстве. Позвоню завтра заводчикам, пусть компенсацию выплачивают.

Продолжения Алекс не стал дожидаться. Зачем грузить себя лишними проблемами? Просмеявшись, он потихоньку просочился во входную дверь и исчез.

Вечернее Таирово блестело лакировкой витрин, окон, окошечек. Пристроенные к девятиэтажкам магазинчики и кафе хоть как-то украшали типовые улицы. Понятно, что и декораторы и рестораторы по-своему старались, но бюджета было мало. Никто друг с другом и не собирался согласовывать общий вид. В итоге получилась мешанина.

Те хозяева, которым дизайнерские услуги были непозволительной роскошью, довольствовались чувством юмора. Смешные вывески вроде «Пирожки с котятами, а также с яблоками, вишней, капустой и прочей ерундой...» тоже можно было выдать за креативный подход. И выполненный в стиле доверительного наива билборд мастерской по ремонту автомобилей («Да, у нас дороже, но зато мы не устраиваем гонки на ваших автомобилях и не катаемся за пивом!») был явно рассчитан на то, чтобы вызвать расположение у самого недоверчивого заказчика.

Впереди Алекса шла девушка. Не экстра-класса, но вполне читабельный вариант. По телефону болтала:

– Хреново! Да, вот такие пироги! Даже не успокаивай! Меня твои приятели уже задолбали! Свиданки эти идиотские «два на два»! «Пригласи подругу» – я тебе что? Телохранитель? Отмазка для мамы? «Мы с подругой»! Ага! Толку никакого. Мне уже двадцать. Молодость проходит. Я что, такая страшная? Вот скажи мне. Только честно. Нет, ты мне честно не скажешь. Никогда честно не говоришь. Хоть бы один козел сам познакомиться подошел! Я что, кусаюсь? Понятно. Может, я для тебя вариант «на фоне своей страшненькой подруги смотрюсь очень даже ничего».

Или подруга бросила трубку, или не выдержали операторы мобильной связи, но девушка, в очередной раз выругавшись, спрятала телефон в карман куртки. Выглядела она взъерошенно, рассерженно, но при этом все равно мило. Растерянно. Как котенок, который, заигравшись с фантиком, внезапно потерял его. Остановился на полдороге и не может понять, что делать дальше.

Алекс решил подбодрить ее. Не ради знакомства как такового, а просто так:

– Привет! Можно с тобой познакомиться?

Она развернулась. Не котенок, а какой-то огнедышащий бык:

– Отвали, кретин!

...подмигивал пустым кафешным залам рекламный неон.

Закрывать входную дверь. Оградиться от этого сумасшествия: истеричек, кликуш, дур. Неужели никто не может помочь человеку в естественном желании просто хорошо провести вечер? Ни друзья, шилопопы тридцатилетние, ни случайные попутчицы на вечер. Чувствуешь себя взрослым и чрезмерно уставшим посреди этого разыгравшегося детского сада.

Нужно срочно создать себе «зону комфорта». Вот, почти уже набралась ванная горячей воды. Букридер лежит на раковине. Осталось только взять чай с мятой и апельсиновой цедрой. Алекс умел готовить его лучше, чем в любом, самом первоклассном, кафе.

Всплеск. Поспешить в ванную. Наверно, букридер упал.

Чертыхаясь, с чашкой в руках, Алекс уже открывал дверь, как услышал голос. Тот же, что и тогда, на улице. Так же задумчиво и отрешенно повторяющий короткую мелодию. И мелодия эта, как воронка, затягивала.

Он не заметил, как вошел в ванну. На воздушном пространстве вокруг появилась рябь. Пошла кругами. Дальше успел запомнить момент, когда в центр таких кругов его затянуло. Была в омуте женская фигура. И хотя с точностью не мог рассмотреть ее очертаний, манила она так, как ни одна женщина ни до, ни после. Так что даже не всколыхнулся в сознании вопрос: кто это? Что ей от меня нужно?

Алекс просто шагнул ей навстречу и пропал.

Глава 3

Очнулся. Первым после пустоты было ощущение холодного железа. Рука нащупала палку, затем пружинистую под матрасом сеть. Не его кровать. Запах старого белья. Синяя стена, стрельчатые окна. Сумерки.

Рядом еще койки. Много коек. Сгорбленная фигура старика мычит, выражая страдания без слов. Еще какая-то пожилая женщина обтирает тряпкой лежащее на другой койке почти безжизненное тело. Хозяин тела в полусознательном состоянии. Сиделка перекладывает его тряпичные руки туда-сюда.

– Где я?

Она отвечает, не поворачиваясь:

– В больнице.

Вытягиваются из щелей тени. Жалобятся. И говорить не хочется ни с кем. Выщеренные выбоины на стене. Выпросите себе срок у Бога, убогие?

Остается только понять, как ты оказался здесь. В чужом абсурдном сне. Чтобы не задумываться – постоянно спать. Но ночью к ним в палату привезли ЗК. Абсурд продолжился. ЗК понять не мог, где находится, но это не помешало ему выдернуть из своей руки катетер и сломать палку от капельницы. Двое охранников, «Пат и Паташонок», толстый и тонкий, смогли его удержать. Под утро веселую тюремную команду перевели в какое-то другое отделение больницы. Спать дайте!

Но утром опять переполох. Двое худосочных и длинных братьев втащили в палату на руках третьего. Мать в деревенском платочке шла следом. Несла какие-то обноски и стоптанные белые кедки. Прежде чем Алекс успел опомниться, этого третьего вырвало прямо ему под ноги. Едва не обрызгал. Бедолагу положили на кровать. Засуетились врачи. Мерили давление, что-то кололи. Параллельно опрашивали родственников. Братья, полупрозрачные тени с заплетающимися языками, пытались выстроить хоть какие-то правдоподобные оправдания.

– Когда ему стало плохо?

– Да вот прямо сейчас, в палате.

– Нет, а до этого?

– До этого все было нормально.

– Как это, нормально, вы же его в больницу привезли.

– Но он же своими ногами шел.

– Сам шел?

– Мы его вели под руки, он шел сам. А потом, уже в палате, ноги подогнул и сознание потерял. В машине все нормально было. Только тошнило.

– Почему скорую не вызывали?

– Он дома лежал, мы думали, что отлежится.

– Давно он так лежал?

– Неделю, после того как головой ударился. Но все было нормально.

Мать в разговоре не участвовала. Она кружила загнанной тигрицей между коек. В промежутке между репликами сказала только:

– Запомните, я с ним здесь сидеть не стану! Вы меня поняли?! У меня времени нет! Я занята.

Лицо парня тем временем совсем посерело. Как будто просело. Как будто песок стал сыпаться в воронку, в глубокую яму. Врачи засуетились еще больше. Вдруг мать что-то почувствовала. Она отошла и села в коридоре.

– Всё, – через минуту врач вытащила из ушей стетоскоп. – Примите мои соболезнования.

– Не, ну как же «всё»! Вы попробуйте еще раз. Вы не услышали! Доктор?

Но доктор уже ушла.

– Сообщите матери.

Две тощие тени склонились над телом:

– Братишка, ну как же так, а?

Вошла мать. Стала целовать покойнику руки. Алексу показалось, что как-то слишком картинно. Братья все еще причитали.

Мать вдруг что-то вспомнила, остановилась в полудвижении:

– Нужно Катьке звонить.

– Я звонил. Она говорит: «Привет!», смеется и трубку бросает.

Стрельчатые больничные окна. Узкие, как зрачки ящерицы. Холодные больничные палаты одновременно напоминают залы средневековых замков и морг. Дольше Алекс не выдержал. Выполз во двор.

Больница находилась на окраине города. Целый комплекс трехэтажных кирпичных домов посреди больничного парка. В парке половину скамеек заняли студенты-медики да жующие домашнюю колбасу крестьяне из областных центров.

Довольно-таки ехидно дребезжала в дорогой мобильник сидящая на скамейке тетка:

– Нет у вас служанки, нет. Поломалась она. Сами ищите свои вещи.

Нога у тетки загипсована. Тетка тыкала ею в пыль, будто показывая гипсовый аргумент, который обычно предъявляют третьим пальцем в спорах.

– Эй...

Нет, это не к Алексу...

– Эй... маальчик... маальчик... вот тот... в синеньком.

– Только бы не ко мне.

Толстая санитарка в несрастающемся из-за пышных форм халате прямо с порога звала Алекса в больничный замок. В руке у санитарки была свежераскуренная сигаретка, на ногах – резиновые шлепки. За больными она не бегала.

– Эй, женщина, которая с гипсом... передайте мальчику рядом, в синеньком, шо его там ждут. Он меня, похоже, не слышит.

И все-таки... Грешным делом подумалось о родственниках почившего наркомана. Интересно, может, кого нового привезли, а его, Алекса, выселяют? С личными вещами-то хоть все в порядке?

Трупов, наркоманов, эков уже не было. Скорбящих родственников тоже. Больных выгнали в коридор, пока мыли палату.

– Мальчыыык...

Чего опять?

– Мальчыыык, тебя ждут на черном ходе, где окошечко...

Это же надо, по больничным правилам встречаться с родственниками можно только там, где черный ход, окошечко и вечные сквозняки.

– Кто?

Но санитарка уже отвернулась.

Отглазированная жирной белой краской дверь. Так жирно, что из-за этих слоев засов не сразу поддался. За дверью Алекс вначале увидел винтовую железную лестницу. На лестнице – туго набитую сумку-кравчучку. Ясно. Матушка приехала. Родительница. Вот и свидимся за четыре года.

Некоторым людям лучше было бы не рожать детей. Не потому, что плохие: пьют, бьют и вообще – асоциальные личности. Нет. Приличные семьи. Вполне благопристойные граждане, исправно выполняющие родительские обязанности. Но в том-то и дело, что «обязанности». Размножение ради долга? Перед кем? Обществом? Затем долг перед ребенком: покормить, одеть и выучить. То, что наивный ребенок принимает за любовь? Когда в ответ на доверчивое «Мама!» звучит: «На, вот тебе новая игрушка, иди, поиграй, а я занята».

Мама-функция. Она делает все правильно. У тебя первым из одноклассников появились мобильник и модная куртка. Тебе без вопросов отстегнут денег на посещение Макдоналдса. Ты, главное, мамкай поменьше и на глаза старайся не попадать. Так и растешь. Пора бы привыкнуть. Но сердце при виде собранной специально для него сумки ёкнуло.

– Мама?

– Да, да. Мама твоя. Как же ты так умудрился? Мне твой друг позвонил, который тебя в квартире без сознания обнаружил. Этот, который скорую вызывал. Курить здесь можно?

– Нет, не разрешают.

– А сами курят... Слушай, ты случайно ничего не употребляешь?

– Я что, по-твоему, дурак? Кроме пива по пятницам – нет.

– Вот и я удивилась. Не похоже на тебя. Врачи тоже ничего толком сказать не могут. А тебе?

– И мне. Говорят, что обследоваться нужно для выяснения причин.

– Н-да, а раньше и без десятка анализов обходились. Скурвилась медицина. Жаль, что курить здесь нельзя. Покурю на улице. Ладно, мне пора... тут у моего запара. Опять долги.

– Прячется?

– Вещи ему везу. А ты выздоравливай. Я тебе тут продукты принесла. Они же кормят в больницах отвратительно.

Мать подтянула к себе большую сумку-кравчучку и достала оттуда пакет с двумя апельсинками и пригоршней шоколадных конфет. После чего женщина, выполнившая свои материнские функции, быстро поцеловала Алекса в щеку и убежала курить.

Не успел Алекс отойти далеко от двери, как его позвали обратно:

– Маальчик... мааальчик... эй, тот, с апельсинками. К тебе опять пришли.

Не забывают. Юра. Добрый человек. Принес сигареты.

Тихонько пробрались на свежий воздух через черные ходы, засиженные котами, через проржавевшую крышу, через осыпавшуюся штукатурку чердаков. Сам бы Алекс никуда не полез, но у Юры детство вечно в одном месте играет.

– Напугал, братишка, ты нас. Крепко напугал. Сначала думали, что казёнишь. Шеф пытался дозвониться до тебя. Выговор хотел влить. Но я сказал, что на тебя не похоже – так просто взять и не прийти. Нужно съездить, посмотреть, что с тобой. Он поворчал, да и отпустил. Хорошо, что у меня твои ключи были. Это же сколько времени ты так провалялся? Я вообще вначале испугался, что передо мной труп.

– Я не помню, честно. Ни с того, ни с сего. Какие-то галлюцинации. Притом что даже пьяным тогда особо не был.

– Да... галлюцинации, возникающие без всяких стимуляторов, – это совсем хреновенько. Ты бы обследовался хорошо, пока тут, в больнице, лежишь.

– Я бы с радостью. Шеф не позволит.

– Уже звонил? Интересовался?

– Пока еще нет. Но отдых вечным быть не может. Да и тут не курорт. Будто в дурной сон маргинала попал. Сам хочу побыстрее смотаться. Проживу как-нибудь и без лишней диагностики.

– Ну, смотри. Дело стремное.

– Ой, ладно. Не нагнетай.

Почистили мамашины апельсинки. Сигаретный дух конфетами заели. На ржавой крыше, на поклеванном кирпичном парапете принимали солнечные ванны. В палату Алексу не хотелось.

– Рассказывай лучше, как у вас тогда вечер закончился.

– Весело. Собачку к ветеринару так и не повезли. Она, бедолага, где-то в квартире спряталась. Мы ее так и не нашли.

– Ты смотри: животное, а соображает.

– Да при таком хипише даже рыбки аквариумные сообразят. Ну, хозяйки эти от рыбок интеллектом тоже мало отличались, поэтому все получилось постепенно вернуть на адекватную стезю... Но ненадолго. По мере знакомства наши дамы стали проявлять аппетиты, что вполне естественно. Правда, тоже держали себя в рамках приличия. Запросили пикник. Вот мы и решили погулять ночью в Люстдорфе. Помнишь, там у Крысиного кореша база отдыха есть? Практически на берегу домики. Не знаю, чем девочки недовольны были.

– Они Аркадию ожидали?

– Ну да. Место, конечно, не самое презентабельное. Зато воздух чистый.

– Да и живопись настенная тоже ничего. Я помню... Матрос, под мышкой (видать, контрабандно) умыкающий русалку. Или красотки, у которых одна рука с бицепсами, а другая дистрофичная, как у паралитиков.

– Девочки тоже перед этими произведениями искусства слегка зависли. Но Крыс им тут же стал рассказывать о примитивизме, о «Митьках». Видел бы ты, как они ротики, лапочки, открывали.

– Ну, хоть не зря съездили?

– Хотел бы я тебе сказать, что не зря. Нам хозяин базы всю малину испортил. Взял втридорога, а потом просто исчез. Культурный такой. Решил, по-видимому, не мешать. Но ворота при этом запер. Мы – на волю, а вокруг – сетка. Заборчик такой, как в детских садах. Пришлось перелезть. Такси вызвать нереально. Никто в такую глушь не едет. Выбрались кое-как на проселочную дорогу. Кругом домики одноэтажные. Маршруток никаких. Да и вообще машин. Куда идти? Где, блин, хоть то Таирово? Где, блин, хоть какие-то асфальтированные дороги, которые к дому приведут? Мы пьяны в дупель. Девочки на каблучках стараются выглядеть презентабельно. Смотрим – едет фара. В темноте не видно. Отчаявшийся Крыс бросается фаре наперерез. Остановить ее. Прямо на дорогу. Фара проезжает мимо, даже не притормаживая. И тут мы видим, что это – милицейский «бобик». Прикинь?

– Круто. Вы настолько были пьяны, что полицейский «бобик» тормозили?

– Да, вот это, тебе хочу сказать, нам повезло. Мы потом кое-как выбрались.

– А девочки?

– Проводили их, конечно. Но они теперь на звонки не отвечают. Не знаешь почему?

– Обломались девочки насчет развлечений.

– Ты что?! Таковую развлекуху им больше никто не устроит.

Ржавая крыша, поклеванный мастером Время кирпичный парапет замка-больницы. Солнце... солнце будет везде, но только не здесь. Узкие глаза окон. Чешуйки кирпичной кладки. Оттенки от почти красного до фиолетового. Греется дом на солнце целый день, но внутрь тепло никак не просочится. Хлопают окрашенные десятками слоев белой краски больничные двери с плоскими засовами. Ходит по черному ходу людская печаль. Выглядывает робко из-за углов-переходов надежда. Терпкий запах спиртовых настоек и чего-то сладкого, чем окуривают помещения: от холеры, гриппа? Почему бы и не от чумы? Атмосфера подобающая. Сейчас появятся в больничных коридорах фигуры в длинных плащах и масках-клювах. Хочешь – не хочешь, а возвращаться в палату, в чужой дурной сон придется. Вот и ты, друг, покинешь:

– Ладушки, братан. Думаю, скоро свидимся. Дианка, кстати, твоя звонила.

– Даже не продолжай...

Так и докурили. На том и простились.

После ухода Юрка Алекс долго сидел один на кирпичном парапете. Весна отсюда казалась не столь больничной, а Одесса вообще была похожа на Неаполь или Париж. Сидишь один: без проблем, без привязанностей. А люди? Там где-то они. Внизу. Не доберутся до тебя со своими претензиями, вопросиками. Пытками изобразить, что им не все равно. Ага. Но вдруг возникло чувство беспокойства. Затем – страха. Затем – какой-то смутной надежды (на что? – самому неясно). Желания. Какой-то подспудный инстинкт ему говорил – ищи. Дальше – больше: ищи, не то больше не найдешь. И, наконец, ищи, иначе погибнешь. Подчинившись этому инстинкту, Алекс спустился в больничное отделение, но к себе в палату не пошел. Вместо этого он повернул за угол, где находилась подсобка. Прошел подсобку. Столовую. Свернул опять на черный ход. Наверх по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.